

Маск. правд. - 1998. - 29 янв. - с. 6.

Никогда не считала себя героиней Островского...

Юлия СЕДОВА

тогда первой героиней кружка... В этой студии нас учили не только играть в спектаклях, но и - дикции, грамотной русской речи, прививали общую культуру. На занятиях Ольга Васильевна рассказывала обо всем: о театре, русской культуре, великих людях. Именно она заложила в нас трепетное отношение к театру, помогла стать личностями.

- А почему вы выбрали именно ГИТИС?

- Потому что он - институт. Слово «училище» меня пугало. Дело в том, что в апреле 53-го года, когда я заканчивала школу, умер папа. Мы остались совершенно беспомощными, мама-то у меня курляндская немка. Из-за ее национальности у нас постоянно были неприятности, хотя она никогда не была в Германии. Папа ее защищал, как мог, но сам в 37-м году едва уцелел, чудом успели спасти друзья. Так вот, когда он в 59 лет умер, я совсем растерялась, у матери отнялась рука. «Тянула» нас старшая сестра (она с маленьким ребенком ушла от мужа и жила с нами). Я хотела получить высшее актерское образование, узнала, что есть Институт театрального искусства. На отборочной консультации Варвара Александровна Вронская слушала, как я (длинная, худая, с косой) читала монолог Заремы. Вронская очень смеялась: абитуриентке шестнадцать лет, а выбрала монолог, где страсти бушуют! Она сказала: «Меня репертуар». Тогда Ольга Васильевна предложила мне «Барышню-крестьянку». С ней меня сразу взяли на конкурс. Курс набирал актер МХАТа, народный артист СССР Василий Александрович Орлов. Преподавал на нем много педагогов из МХАТа (в том числе его жена Мария Николаевна), так что я считаю, что получила мхатовскую «школу».

- Наверное, красивой студентке сразу предложили сниматься в кино?

- Думаю, дело было не только в «красоте», но на первом курсе (всего через месяц после начала обучения) меня действительно утвердили в картину «Княжна Мери». Прибежала с этой новостью к Василию Александровичу, а он сказал: «Что ты сейчас можешь сыграть? Они будут использовать твою внешность. Иди, снимайся, но знай, что

ко мне на курс не вернешься». Конечно, я стала учиться дальше, а на съемки не поехала.

- Знаю, что после окончания института горком комсомола направил вас на работу в Ростов-на-Дону. С чем это было связано?

- С 57-м годом и лозунгом: «Все - на чистину!». В Ростове-на-Дону был разваливающийся Театр комедии, на базе которого требовалось создать Театр имени Ленинского комсомола. Курс наш считался сильным, нас туда и отправили, просто обязали ехать, и все. Причем, на меня тогда пришли три «заявки»: из МХАТа, Пушкинского театра и Театра транспорта, кроме того, я ждала ребенка, будучи к тому времени женой Вадима Бероева.

- И вы поехали?! Одна!

- А что было делать? Вадим тогда перешел на последний курс. Правда, с нами поехали Василий Александрович с Марией Николаевной. Жара стояла страшная. Я была в жутком состоянии. Играла до шести месяцев, а потом, танцуя в «Вишневом саде» (в роли Шарлотты) на столе канкан, «попетела» в руки актеров и сказала: «Все». Взяла академический отпуск и уехала в Москву. Родила дочку. Вадим к тому времени закончил ГИТИС, и мы решили работать только в одном театре, но - то меня не брали, то его. И вот как-то Вадиму предложили роль в Театре имени Моссавета, а я пошла «показываться» вместе с ним. «Смотрели» нас художественный руководитель Юрий Александрович Завадский с Ириной Сергеевной Анисимовой-Вульф. Они меня знали, так как тоже преподавали в ГИТИСе. Анисимова-Вульф спросила: «Где ты работаешь?». «Я к вам пришла», - отвечаю. «Вот и замечательно, - слышу в ответ, - а я считала, что вас куда-то усадили». Нас приняли в труппу театра. Меня тогда же утвердили на роль в одном фильме, а поскольку в семье денег не было, отказаться не могла. Объяснила тогдашнему директору Михаилу Семеновичу Никонову ситуацию, он говорит: «Хорошо, снимайся, когда вернешься со съемок, тогда тебя оформлю и сам договорюсь об этом с Завадским». Захватила с собой семимесячную Ляльку и уехала. Несмотря на то, что съемки шли более полугодя, Никонов свое обещание сдержал, и в следующем сезоне я уже работала в труппе.

- В которой вы играете почти сорок лет... Никогда не жалели о том, что когда-то стали актрисой Театра имени Моссавета?

- Да нет, без ролей-то не сидела... Кроме того, много играла в телеспектаклях: у Вячеслава Бровкина в его первых детективах, у Анисимовой-Вульф, Голубовского. В 1968 году сыграла в музыкально-драматической постановке «Угрошение строптивой» с Леонидом Марковым, где «за меня» пела Галина Вишневская, «за Маркова» - Евгений Кибкало (половину текста наши герои пели, половину - говорили). Этот телеспектакль много раз показывали по телевизору до тех пор, пока Ростропович с Вишневской не уехали из Союза. Что потом стало с лентой, не знаю... Кроме телевидения, с 1962 года постоянно работала на радио, вместе с Вадимом Бероевым была одной из пер-

вых ведущих радиостанции «Юность», причем мы не просто зачитывали текст, а разговаривали со слушателями.

- А как сложились ваши отношения с кинематографом?

- Никак. Тогда в моде были «бюровые девушки» и «русский тип». Зато меня снимал «Арменфильм», «Азербайджанфильм», «Узбекфильм» (где я играла русскую героиню)... Мне в кино не везло еще с первого курса ГИТИСа. Скажем, утверждают меня в Одессе на большую роль в кинокартине «Эскадра уходит на Запад», а в это время Театр имени Моссавета уезжает на гастроли: восемь дней в Париже и месяц в Болгарии... Как можно было не поехать? Я отказалась от съемок. Правда, потом все-таки сыграла в этом фильме Веру Холодную. Или, например, в «Опасных гастролерах» (где главного героя сыграл Владимир Высоцкий) моя роль Эвелины де Кордель, «революционной жены» персонажа Николая Гринько, поначалу была намного больше. Но шли репетиции спектакля «Петербургские сновидения», я могла «летать» сниматься в Одессу только по понедельникам (когда в театре выходной день), и роль в фильме сократили. Так получилось, что мне сцена всегда была дороже экрана, ничего не поделаешь...

- А какие роли в театре вы играли в последнее время?

- Чаще комедийные (например, в «Двери хлопают», «На полпути вершине», «Шуме за сценой», режиссерские драматические - во «Вдовьем пароходе», в «Фоме Опискине»... Теперь вот играю в «Не было ни гроша, да вдруг алтын», хотя никогда не считала себя героиней Островского. Совсем не думала, что Сергей Юрский предложит мне роль в своем спектакле, больше того, просто испугалась, услышав это предложение.

- Почему! Что вас так напугало!

- Да героиня моя в пьесе слишком уж добрая, несчастная, постоянно плачет, страдает. Как такое создание сыграть? Думала, помала над этим голову, а помог мне Сергей Юрьевич (без Юрского я бы ее в жизни не сыграла!). Он предложил необычный ход: Анна - мертвый человек, ее уже ничто не волнует. Однажды на репетиции он попросил меня порваться в бочке, сказав: «Представь себя бомжем на свалке». Тогда я вспомнила одну уличную сценку: как интеллигентная старушка сосредоточенно копалась в мусорном хламе, не обращая ни на кого внимания. И я поняла, как играть Анну, двадцать лет живущую, впроголодь, нищую, которая говорит о своем (любимом когда-то!) муже: «Убил он и похоронил меня заживо». Личность человеческая в ней убита. Она у меня - самый настоящий бомж, а совсем не бедняцкая тетушка. Именно это, мне кажется, делает мою героиню интересной и близкой публике.

- А вам Анна Крутицкая близка!

- Я просто счастлива, что ее играю.

На снимке: Анна - Э.Бруновская («Не было ни гроша...»)

Фото Сергея ЕЛЬШЕВСКОГО.